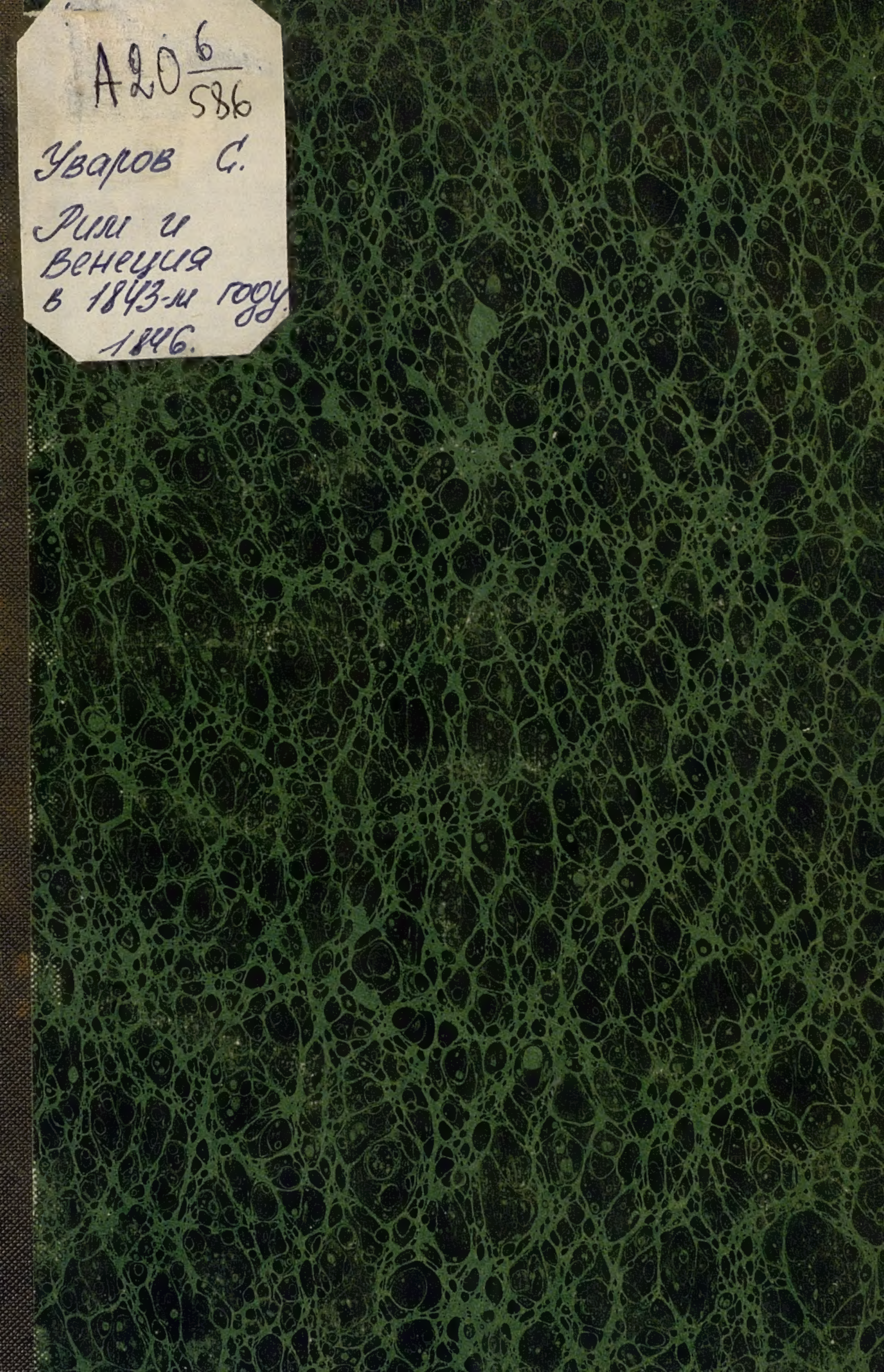

A20 6/586
Уваров С.
Рим и
венеция
в 1843-м году.
1846.

РИМЪ И ВЕНЕЦІЯ

ВЪ

1843-мъ ГОДУ.

ДЕРПТЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. ЛААКМАННА.

1846.

РИМЪ И ВЕНЕЦІЯ

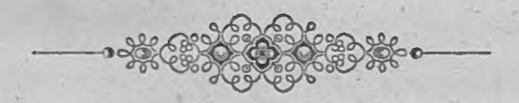
въ

1843-мъ ГОДУ.

Переводъ съ Французскаго.

Kennst du das Land, wo die Citronen blühn,
In dunkeln Laub die Gold-Orangen glühn,
Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
Die Myrte still und hoch der Lorber steht......

Göthe.

ДЕРПТЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. ЛААКМАННА.

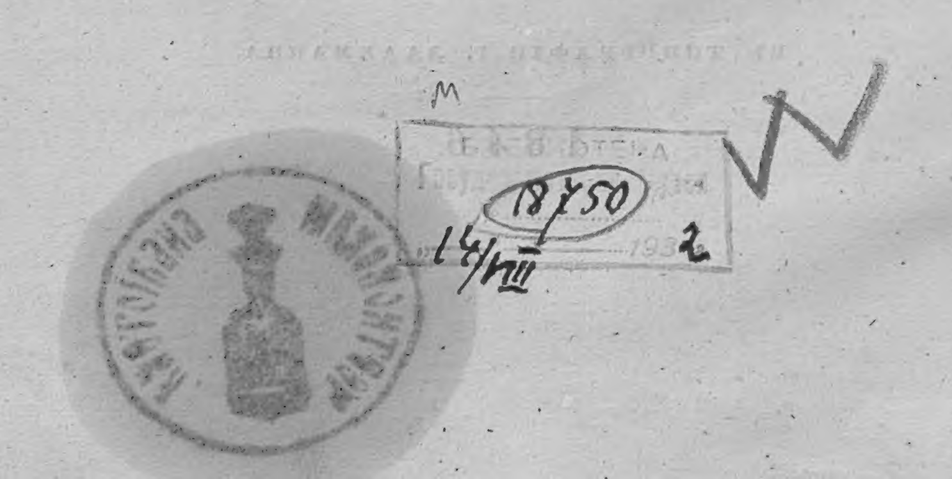
1846.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатанiи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное количество экземпляровъ.

Дерптъ, Февраля 7-го дня, 1846-го года.

Ценсоръ *Заменъ.*

Возвратившись изъ путешествія Своего за границу, въ 1843-мъ году, знаменитый Президентъ нашей Академіи Наукъ, Е. В. П. Сергій Семеновичъ Уваровъ, въ двухъ краткихъ, но богатыхъ содержаніемъ, классически-стройныхъ по изложенію, очеркахъ, выразилъ впечатлѣнія, оставленныя въ душѣ Его вѣчнымъ городомъ семи холмовъ и развѣнчанною царицею Адріатики. Благоуханіе Италіи, навѣваемое этими очаровательными картинами на воображеніе, легко переноситъ думы въ завѣтный край живописной природы, величавыхъ историческихъ воспоминаній, художествъ и развалинъ. Перелагать изящныя мысли, изящные обороты слога на родной языкъ — есть наслажденіе, знакомое каждому, занимающемуся Словесностію какъ искуствомъ, и такое чувство дало мнѣ смѣлость рѣшиться на переводъ подлинника, часто сіяющаго нѣжными, едва уловимыми красотами.

ДЕРПТЪ,
Января 27-го дня, 1846-го года.

Михаилъ Розбергъ.

[illegible]

. . . Che sola a se stessa somiglia. . .

PETRARCA.

Чего не писали о Римѣ, и гдѣ книга, представляющая полный его образъ? Впечатлѣнія, оттуда приносимыя, во всѣ времена были болѣе или менѣе личны; они зависятъ, особенно, отъ предразсудковъ наблюдателя и отъ точки зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Римъ есть неподвижный берегъ, мимо коего бѣгутъ волны. Онъ неизмѣненъ, онѣ смѣняютъ одна другую.

Есть два способа смотрѣть на Римъ и Италію: надо посвятить имъ значительную часть жизни, разбирая ихъ, съ любовію, въ подробностяхъ, или довольствоваться общимъ видомъ, съ высоты. Кто долженъ ограничиться послѣднимъ, долженъ, также, ограничиться приблизительно-вѣрнымъ выводомъ изъ его цѣлости. Можетъ статься, этотъ взглядъ поспѣшный, этотъ взоръ проницательный и страстный, брошенный на Италію, и, преимущественно, на Римъ, выражаетъ, въ окончательномъ заключеніи,

болѣе чувства, болѣе точности, нежели долгое и трудное изученіе, часто теряющееся въ мѣлочахъ. Я не знаю ничего суше утонченныхъ изысканій антикваріевъ о томъ или иномъ темномъ мѣстѣ Римской топографіи: что̀ важнаго въ названіи зданія, опредѣленіи разрушенной дороги, въ разбитомъ камнѣ кенотаѳа, когда полная мысль отъ васъ ускользаетъ, когда не схватываете безмѣрной сложности объема, когда деревья, какъ сказалъ одинъ Германскій поэтъ, мѣшаютъ вамъ различать лѣсъ?

Изумительная страница Шатобріана, въ письмѣ къ Г-ну Фонтану, живописуетъ чудесно вліяніе римскихъ полей на душу; мнѣ хотѣлось бы, однакожь, исключить оттуда „запустѣніе Тира и Вавилона:“ по моему мнѣнію, поля римскія не степь, они только невоздѣланы и безмолвны; это земля уставшая производить и отдыхающая, естественная рама такой картины, важный и мирный саркоѳагъ, гдѣ назначено покоиться великому трупу города, которому не суждено умереть.

Шатобріанъ говоритъ съ восхищеніемъ о красотѣ очерковъ римскаго небосклона, о необыкновенномъ блескѣ воздуха; онъ замѣчаетъ весьма справедливо, что тѣни никогда тамъ не ложатся тяжело, не сгущаются до черноты; дѣйствительно, эѳирное волшебство, обвивающее городъ и окрестности, въ какой-бы часъ дня ни созерцали ихъ, есть явленіе, превосходящее всѣ усилія кисти или пера; мнѣ не знакомы ни одна картина, ни одна страница, гдѣ бы подобное

дѣйствіе было воспроизведено; лишь римскіе художники умѣютъ, вѣрнѣе другихъ, понимать свѣтъ и мракъ своей родины, какъ иногда въ небрежно сказанныхъ словахъ любаго неизвѣстнаго Римскаго обывателя находите оцѣнку болѣе разительную памятниковъ, васъ окружающихъ, нежели въ трудно выработанныхъ описаніяхъ нашихъ путешественниковъ.

Единогласно толкуютъ о печали, царствующей въ Римѣ; не знаю, исказила-ли мое сужденіе радость, испытанная мною при въѣздѣ туда, но Римъ не показался мнѣ печальнымъ. Когда, послѣ, я проходилъ дорогу Аппіеву до гробницы Сициліи-Метеллы, или, достигнувъ дорогой Нументанской Нарзесова моста на Аніо, при заходящемъ солнцѣ, съ священной горы, бросалъ взоръ на римскія поля, я чувствовалъ себя глубоко растроганнымъ; но это чувство, — напрасно-бы старался я опредѣлить его; во всякомъ случаѣ, пошлое слово печаль весьма дурно выражаетъ упоительное ощущеніе тишины и задушевнаго наслажденія, порождаемое развертывающеюся великолѣпною картиной.

Нѣтъ ничего досаднѣе, и ничто̀ столько не возмущаетъ, какъ стереотипныя изрѣченія касательно Италіи. По свидѣтельствамъ бо̀льшей части повѣствователей, Италія есть родъ звенящаго острова, разгульной страны, гдѣ народонаселеніе безпечное и легкомысленное предается вещественнымъ удовольствіямъ. Италіянцевъ привыкли почитать племенемъ изнѣженнымъ, племенемъ скомороховъ, выплясываю-

щихъ тарантеллу и повторяющихъ напѣвы Россини. Мнѣніе ложное! — все перемѣнилось въ Италіи; нынѣшніе Италіянцы начинаютъ уже не походить на Италіянцевъ Гёте, самаго добросовѣстнаго живописца этой прекрасной земли. Италія Казановы, вертлявая, беззаботная, веселая, умерла, вмѣстѣ съ черными и красными платьями Каналетто. Теперь Италіянецъ степененъ, раздумчивъ, почти унылъ; Италія — край порядка, размышленія, жизни внутренней; край, ищущій разгадать довольно темную тайну своихъ историческихъ судебъ. Такое направленіе отражается въ духѣ высшихъ сословій, на обликѣ сословій среднихъ и простыхъ. Порода гражданъ Римскихъ есть еще и теперь самая Италіянская изъ всѣхъ; и когда тамошній facchino, съ прелестными своими волосами, какъ смоль лоснящимися на солнцѣ, со смуглымъ цвѣтомъ своего лица, не румянымъ и не бурымъ, съ умнымъ своимъ взоромъ и станомъ крѣпкимъ но легкимъ, по меткому чутью художника, накидываетъ себѣ на плеча бархатную куртку, выраженіе его чертъ принимаетъ отпечатокъ гордости и спокойствія, исключающій даже мысль о пошломъ. Въ первенствующихъ кругахъ общества, не упоминая о первенствующемъ духовенствѣ, естъ люди, которыхъ бы я могъ назвать, прилежно, успѣшно занимающіеся науками и словесностью; только они освящаютъ свои труды искренностью, обнаруживаемою ими во всѣхъ дѣлахъ жизни. Если они увлекаются любимыми науками, то безъ хвастовства, съ единственною цѣлью личнаго

усовершенствованія. Пренебрегая шумомъ толпы, не дозволяя господствовать надъ собою журнализму, который угнѣтаетъ Европу, они никогда не принаравливаются къ молвѣ. Надо употребить усиліе, чтобы открыть, — сколько эта благородная простота обращенія и понятій заключаетъ въ себѣ высокой образованности и зрѣлаго просвѣщенія.

Переходя отъ сихъ общихъ, слегка очеркнутыхъ соображеній къ тому, что̀, собственно, касается Рима, встрѣтимъ недоразумѣнія еще разительнѣе. Здѣсь, принятыя положенія опровергаются на каждомъ шагу. Такъ церковь Святаго Петра, хвалимая или унижаемая обыкновенными путешественниками по печатнымъ книгамъ, далеко не изучена съ настоящей точки зрѣнія. Все уже сказано о несообразностяхъ распредѣленія, о дурномъ вкусѣ Мадерны и Бернини, о недостаткѣ связи и проч., и проч.; подобные разборы отзываются ребячествомъ. Горе тому, кто будетъ судить объ этомъ чудѣ, не вникая глубоко въ смыслъ искуства и Италіи! Разсматривая зданіе прежде только со стороны художественной, вы невольно сознаетесь, что погрѣшности, замѣтныя въ подробностяхъ, совершенно поглощаются великолѣпіемъ объема. Безъ сомнѣнія, витые столбы балдахина, составъ каѳедры — странны, не принадлежатъ никакому ордену; изваянія Бернини и его учениковъ необыкновенно изысканны, стиля ложнаго, причудливаго; многіе памятники посредственны; но станьте въ средоточіи творенія, я бы, даже, сказалъ — въ завязкѣ поэмы, ибо

соборъ Св. Петра — великая поэма, и увидите, что самыя ошибки и смѣлости возвышаютъ, дѣйствительно, совершенную красоту цѣлаго. Нѣтъ ни одного художническаго глаза, который-бы позволилъ себѣ желать инаго на мѣсто того, что̀ есть. Мѣрить храмъ Св. Петра по правиламъ Витрувія, значитъ — порицать Аріосто, основываясь на какомъ-либо руководствѣ къ Риторикѣ. Кто глядитъ на вещи свыше, взоромъ проницательнымъ, для того сія дивная базилика выражаетъ, ощутительно, перерожденіе католическихъ понятій въ XVI-омъ вѣкѣ. Стиль церковнаго зодчества въ Италіи разнообразенъ до безконечности; оно облекалось во всѣ стили, — оно испытало, оно показываетъ всѣ измѣненія великой мысли, коей представляетъ постепенное развитіе. Картезіянскій монастырь въ Павіи, соборы Миланскій и Пизанскій, храмы Св. Зенона въ Веронѣ, Св. Петронія въ Болоньи, Св. Марка въ Венеціи — принадлежатъ очевидно эпохамъ, когда художникъ строилъ свое произведеніе, какъ поэтъ сочиняетъ поэму; эпохамъ, когда искуство было безъ предѣловъ, и воображеніе, еще свободное, играло правилами или не знало ихъ. Что̀ ни говори, а созданія, нами теперь поименованныя, не относятся ни къ какому стилю, или, скорѣе, каждое изъ нихъ отличается собственнымъ; этотъ періодъ архитектуры, заслуживающій названіе Дантовскаго, проявлялъ, конечно, идею вѣры и политики тогдашняго времени. Нѣтъ ничего прекраснѣе, ничего величественнѣе, ничего благочестивѣе монастыря Кар-

тезіянскаго, ничего волшебнѣе внутренности Миланскаго собора, ничего важнѣе храмовъ Пизанскаго и Флорентинскаго, ничего блестящее, ничего причудливѣе храма Св. Марка. Никогда чувство христіянское не возносилось на такую высоту, никогда сила государственная не обнаруживалась могущественнѣе, никогда, также, ученіе Западной Церкви не утверждалось державнѣе, никогда не дѣйствовало живѣе и торжественнѣе, какъ въ пору воздвиженія сихъ зданій. Но послѣ годины переходной, коей слѣды можно бы означить шагъ за шагомъ, духъ сомнѣнія, подъ самыми различными видами, проникъ въ сердца; идея Іерархіи, громимая Реформаціей, утратила власть, и искуство, подвергшись крутому перевороту, лишилось своей свободы. Нельзя войдти въ храмъ Св. Петра, не мечтая о Лютерѣ, коего тѣнь, кажется, бродитъ подъ портиками Льва X-го. Это святилище есть сдѣлка религіозная и сдѣлка художественная. Убѣжденіе свѣжее, пламенное исчезло, строгость догмата поколебалась, со всѣхъ сторонъ умы, при шумныхъ вопляхъ, порывались къ неизвѣстному; надо было помириться съ подобнымъ движеніемъ, поспѣшить на помощь изнемогающей вѣры, окружить ее обаяніями, мірскою пышностію искуства. И храмъ Св. Петра, изумляя, плѣняетъ воображеніе, какъ поэтъ Феррары, а Картезіянскій монастырь въ Павіи поражаетъ ужасомъ и трогаетъ душу, какъ пѣснь Данте. Каждому своя очередь; обѣ громады представляютъ выпукло господствующую мысль

эпохъ, имъ соотвѣтственныхъ. XVI-й вѣкъ, смѣлый и блестящій, благочестивый и разборчивый, падкій къ нововведеніямъ и охранительный, кажется, весь воплощенъ, съ рѣдкой отчетливостью, въ твореніяхъ Микель-Анджело, Браманта и Бернини.

Въ Римѣ, возбуждаютъ особенное вниманіе несмѣтныя услуги, оказанныя Папами художествамъ. Изъ двухъ Римовъ, стоящихъ рядомъ, и, безъ сомнѣнія, уже мертвыхъ, не менѣе другаго изумителенъ великій святительскій градъ Среднихъ временъ. Верховные сановники Католичества, очевидно, спасли остатки міра древняго; Ватиканъ есть убѣжище, ими открытое для него; и, точно, ничто не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое производитъ сей обширный, полу-запустѣлый дворецъ. Начиная съ изящнаго, внутренняго портика (Cortile), воздвигнутаго по рисункамъ Рафаэля; начиная съ караульныхъ, одѣтыхъ еще по прихоти Микель-Анджело, до богатыхъ галлерей, обитаемыхъ безчисленной толпою превосходныхъ созданій, — все мерцаетъ минувшимъ величіемъ, восторженной любовью къ родинѣ и искуствамъ; и, когда, наконецъ, послѣ Пія VI-го и Пія VII-го не осталось болѣе ничего дѣлать въ нѣдрахъ Ватикана, Григорій XVI, не смотря на затрудненія настоящія, преобразилъ чертогъ Св. Іоанна Латранскаго въ новый музей и возстановляетъ изъ пепла базилику Св. Павла. Я имѣлъ счастіе слышать, какъ маститый, царственный пастырь немногими простыми и важными словами выражалъ наслѣдствен-

ную обязанность, возложенную, отчасти, на его Престолъ — быть послѣднимъ стражемъ послѣдней Римской славы.

Изъ наслажденій, предлагаемыхъ Римомъ поклоннику искуствъ, самое упоительное, самое неожиданное, по моему мнѣнію, — посѣщеніе Ватикана, при заревѣ факеловъ. Ночь, проведенная среди древняго міра, поx Vaticana, не дорого покупается годами усилій и лишеній. Уже вблизи палатъ, торжественное ощущеніе объемлетъ сердце: надъ головами — темная синева Италіянскаго неба, искристое отраженіе свѣтилъ въ куполѣ Св. Петра и дивныхъ водометахъ, цѣлыя столѣтія брызжущихъ вверхъ и ниспадающихъ съ шумомъ; у подножія портика, — Швейцары Папы, или, скорѣе, Микель-Анджело, встрѣчающіе чужеземца съ пламенниками въ рукахъ и провожающіе его въ галлереи; здѣсь, избранники прошедшаго, вызванные изъ мрака и принужденные, такъ сказать, дружно предстать жаднымъ взорамъ любопытнаго, — все согласно даетъ завѣтному посѣщенію оттѣнокъ думы почти умилительной. Мраморъ несравненно прекраснѣе, обольщеніе разительнѣе, дѣйствіе нѣжнѣе, нежели днемъ; мысль неотступно обращается къ роскошному видѣнію; ничто не возмущаетъ ее; лишь журчитъ, разливая слабый плескъ, прелестный Бельведерскій фонтанъ, и лунный лучъ, украдкой проникая сквозь портики, словно принимаетъ участіе въ ночномъ празднествѣ. Между мною и тремя особами моего общества, въ теченіе нашей медленной прогулки по

Ватикану, едва-ли обмѣненъ и одинъ звукъ: мало-по-малу возникаетъ боязнь — нарушить невыразимое очарованіе, васъ окружающее; чрезвычайное умѣнье располагать факелы, ихъ блескъ, ловко разсчитанный и возможность — измѣнять, по волѣ, точку зрѣнія, навѣваютъ на изваянія степень одушевленія неописанную; они кажутся пробужденными ото сна, и, не знаю, какая-то стыдливость туманитъ ихъ божественныя формы, разоблаченныя въ сокровенныхъ изгибахъ. Не только чувство художническое раскрывается тутъ съ внезапною силою, нѣтъ, — всѣ воспоминанія жизни, всѣ размышленія зрѣлыхъ лѣтъ, всѣ бѣглыя мечты юности воскресаютъ разомъ; въ этой волшебной толпѣ, воображеніе, тихо растроганное, ловитъ прозрачныя черты, неопредѣленные облики предметовъ самыхъ милыхъ, таинственный отголосокъ самыхъ глубокихъ пристрастій сердца; невольно глаза увлажаются слезами, и никто не оставляетъ сей ограды, не благословляя судьбы, которая удѣляетъ умамъ счастливымъ незамѣнимое блаженство, полное вознагражденіе за усталость долгаго странствія, скажу, даже, за недочеты минувшаго бытія.

Въ поздній осмотръ Ватикана, Фавнъ, держащій на рукахъ маленькаго Вакха, Цѣломудріе, Демосѳенъ, Нилъ, Дискометъ, Присѣвшая Венера, Мелеагръ, Колоссальный Юпитеръ, Бюстъ Юпитера, Бюстъ Августа въ молодости, наконецъ, и особенно, Аполлонъ съ Лаокоономъ, двѣ статуи по преимуществу, были, поочередно, цѣлями нашего пристальнаго вниманія.

На другой день, утромъ, первой заботой моей было — поспѣшить въ Ватиканъ . . . . . Прелестно! разумѣется, блистательно! великолѣпно! но уже не стало ночнаго обаянія, не стало вчерашняго набожнаго вызыванія обитателей изъ протекшаго міра неземной красоты.

Единственное зрѣлище, нѣсколько сходственное съ предъидущимъ, есть видъ Колизея при сіяніи мѣсяца. Вообще, и никто, лучше древнихъ, не зналъ этого, памятники зодчества, ваянія, живописи весьма много выигрываютъ, если созерцаешь ихъ въ рамѣ темноты. Озаренныя естественно или искуственно, зданія принимаютъ важный отпечатокъ величія; можно увѣриться въ томъ, подходя, въ сумеркахъ, къ собору Св. Петра, или Колизею. Сей послѣдній, днемъ, трудно возстановляемый въ понятіи, оттѣняется мракомъ и озаряется дивно лучами Италіянской луны, которую аббатъ Галіани справедливо предпочиталъ солнцу нашихъ странъ; огромное горнило свѣта, утверждающееся тогда въ средоточіи арены, постепенное ослабленіе его сквозь распавшіяся галлереи и своды, и легкіе пары, смягчающіе очеркъ дальнихъ мѣстъ, производятъ самое усладительное дѣйствіе. Тоже замѣчу о фасадѣ церкви Святаго Петра: при лунѣ онъ будто разростается, принимая наружность спокойную и громадную, въ коей отказываютъ ему, другой порой, его формы, порядочно вычурныя. Божественная колоннада еще божественнѣе, когда мѣсяцъ вырѣзываетъ и рисуетъ ея изящныя чудеса.

Но, говоря о Ватиканѣ, я, кажется, упомянулъ только о музеѣ скульптуры; музей живописи не менѣе превосходенъ; онъ содержитъ въ себѣ картинъ шестдесятъ; изъ нихъ, однако, тридцать — творенія отличныя, а четыре или пять — верхъ совершенства; впереди всѣхъ блеститъ Преображеніе, изумительное созданіе Рафаэля, завѣщавшаго потомству лишь созданія изумительныя; его Богородица Фолиньо и Доминихиново знаменитое Причащеніе Святаго Іеронима красуются въ той-же залѣ. Рафаэль имѣетъ право на изученіе отдѣльное, и подобнымъ изученіемъ можно заняться, исключительно, между Флоренціею и Римомъ. Напрасно старались разнять его художническую жизнь на три послѣдовательныя направленія; тщетныя хлопоты: у Рафаэля открываемъ не три направленія, а развѣ тридцать, развѣ всѣ. Рисовщикъ, какимъ никто не сдѣлался въ равной степени, какимъ не сдѣлался даже самъ Леонардо-да-Винчи, достойный еще спорить съ нимъ въ этомъ отношеніи; колористъ такой-же какъ и Тиціанъ, но колористъ совѣстливый, не натянутый, не изысканный; сочинитель выспренній во фрескахъ Ватикана; потомъ, вдругъ, живописецъ ежедневнаго быта, заботящійся о подробностяхъ, о мелочахъ: стоитъ взглянуть на восхитительнаго Suonatore di violino дворца Шіарра-Колоннскаго, гдѣ изображенію мѣха и бархата позавидовалъ-бы любой Фламандецъ, и гдѣ голова затмѣваетъ самыя яркія головы Веласкеца, — Рафаэль покорилъ себѣ всѣ части искуства.

Фрески Ватикана, однѣ, заслуживаютъ путешествія въ Римъ; надо торопиться ихъ видѣть, пока время на изгладило до-тла ихъ слѣдовъ; его опустошенія бросаются въ глаза; уже лучшая изъ нихъ, Аѳинская школа, къ сожалѣнію, стирается: угадываешь, скорѣе нежели обнимаешь связь цѣлаго; очерки неопредѣленны, сбивчивы, краски портятся съ каждымъ днемъ, явнѣе. Но, и къ настоящемъ положеніи она — замѣчательнѣйшая фреска въ мірѣ, послѣднее слово этого рода живописи, какъ Преображеніе есть послѣднее слово живописи на-маслѣ. Чтобы убѣдиться въ высотѣ, достигнутой Рафаэлемъ касательно колорита, взгляните, въ сихъ-же палатахъ, на Освобожденіе Святаго Петра, на Споръ о Евхаристіи, на Встрѣчу Папы Льва Св. съ Атиллою, — три картины, свѣжѣе прочихъ сохраненныя. Помышляя, что фрески Рафаэля исчезаютъ, что Тайная Вечеря Леонардо-да-Винчи, въ Миланѣ, теперь почти призракъ, который, черезъ двадцать лѣтъ, пропадетъ; что Страшный Судъ, въ Сикстинскомъ придѣлѣ, съ часу-на-часъ, тускнѣетъ; что въ бо́льшей половинѣ Италійскихъ церквей работы славныхъ художниковъ, отъ нерадѣнія, быстро повреждаются, съ прискорбіемъ ожидаешь эпохи довольно близкой, когда отъ пышной новѣйшей живописи останется нѣмое письменное преданіе; когда Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо очутятся на ряду съ Парразіемъ и Апеллесомъ, насильно воскрешаемыми ученостію, и коихъ дѣянія освящаются только немногими греческими эпиграммами да рѣдкими стро-

ками въ книгахъ Плинія. Труды Рафаэля въ галлереѣ внѣшней, милая придача къ его милой зодческой поэмѣ, вѣнчаютъ величественную идею художественнаго генія, въ полномъ его развитіи; такъ, при выходѣ изъ Сикстинскаго придѣла должно спѣшить къ Святому Петру-Веригъ, — поклониться Микель-Анджелову Моисею, превосходнѣйшему мраморному произведенію новѣйшаго ваянія. Всюду, въ Римѣ, чувствуешь необходимость — ловить каждый день на лету, carpere diem, по выраженію Горація: ко всему примѣшивается невольный страхъ, смутная угроза будущаго.

Изъ частныхъ галлерей, самая блестящая, здѣсь, безъ сомнѣнія, галлерея Боргезе, а дворецъ Боргезе самое богатое изъ жилищъ; оно единственное, въ своемъ родѣ, не кажущееся покинутымъ; единственное, возвѣщающее присутствіе хозяевъ ощутительно, шагъ-за-шагомъ. Я не позволю себѣ исчислять сокровищъ этого собранія, гдѣ есть первостепенная картина Рафаэля и другая, чудесная, Тиціана; нужно сказать нѣсколько словъ о знаменитой виллѣ Боргезе, любимомъ гульбищѣ, Елисейскихъ поляхъ Рима, одномъ изъ тѣхъ исполинскихъ имѣній, которыя Римское дворянство громоздило во времена своего могущества. Народный праздникъ, даваемый тамъ ежегодно, въ началѣ Октября, живо впечатлѣлся въ моихъ воспоминаніяхъ. Тогда князь Боргезе приглашаетъ Римскихъ обывателей на свой пиръ, и обыватели Римскіе едва занимаютъ треть садовъ, окаймляющихъ виллу;

меня столько-же поразило радушіе хозяина къ гостямъ, сколько и радушіе гостей относительно хозяина. Вообразите — въ оградѣ, усыпанной пескомъ, устланной дерномъ, окруженной деревьями, отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ, любующихся на конскія скачки, на пляски гаеровъ, на выставку звѣрей, и князь Боргезе докажетъ вамъ, что ни вѣтьви, ни цвѣты ничего не потерпѣли; представьте себѣ такое многолюдство, — я не рѣшаюсь назвать его чернью, такое многолюдство, говорю, почти цѣликомъ состоящее изъ мужчинъ прекрасныхъ, чисто одѣтыхъ, со взорами свѣтлыми, умными, изъ статныхъ Затеверинцевъ и ихъ смуглыхъ, черноглазыхъ женъ, купно наслаждающихся, словно по наслѣдственному чутью, игрищами, страстно нравившимися ихъ праотцамъ. Тутъ не происходитъ ни малѣйшаго замѣшательства, ибо тутъ каждый простой гражданинъ почитаетъ себя лично приглашеннымъ: столь общее убѣжденіе выражается самоувѣренной осанкой, какую принимаетъ житель Рима, чрезвычайной учтивостью, имъ расточаемой, свободою, съ какою, вмѣсто плаща, набрасываетъ онъ на плеча бархатную куртку, лентою, развѣвающеюся на его шляпѣ. Не должно забывать, что стража, вооруженная сила заключается въ пяти или шести жандармахъ; и, когда, по окончаніи увеселеній, вы услышите почтительныя восклицанія толпы, привѣтствующей ласковаго, тороватаго владѣльца, а потомъ расходящейся въ порядкѣ, безъ шума, вы ощутите въ глубинѣ сердца

искреннее сочувствіе къ благородному племени, котораго ни уничиженіе политическое, ни нравственная порча не могли уронить, и которое сохраняетъ несокрушимую основу, подобное, въ этомъ, медалямъ своихъ предковъ, не сглаженнымъ отъ тренія и подъ ржавчиною являющимъ заглавныя буквы имени Цесаря или профиль Марка Аврелія.

Другія богатыя усадьбы разсыпаны около города; я ограничусь, назвавъ виллу Дорія-Памфили, мрачное, великолѣпное обиталище, уже не находящее мѣста въ нынѣшней Римской жизни. Но нельзя промолчать о виллѣ Альбани, убѣжищѣ мудреца и вельможи, украшенномъ живописью Менгса, гдѣ родилась новѣйшая Археологія, гдѣ Винкельманнъ занимался своими превосходными изслѣдованіями? Вліяніе ученаго антикварія на ученаго Кардинала и связь музея Альбани съ учрежденіемъ музеевъ Ватиканскихъ представляютъ любопытную эпоху въ исторіи памятниковъ Древности. Никогда собиратель не бывалъ въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, какъ Кардиналъ Александръ, и его коллекція, отчасти перешедшая въ руки Правительства, содержитъ въ себѣ еще множество драгоцѣнныхъ предметовъ: изящный базальтовый бюстъ Юпитера, нѣсколько отличныхъ изваяній, вазъ, дивныхъ треножниковъ, прославленныхъ Винкельманномъ. Распредѣленіе комнатъ, здоровый воздухъ, устройство сада въ тогдашнемъ вкусѣ, — все содѣйствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ виллы Альбани собственность, которой невольно завидуешь;

ни одна, впрочемъ, не объясняетъ удовлетворительнѣе общественное положеніе Римскаго Кардинальскаго сана въ срединѣ послѣдняго столѣтія. Прогуливаясь по дворцу и рощамъ, мнѣ чудилось будто вижу Кардинала, въ сонмѣ путешественниковъ, антикваріевъ и художниковъ, опирающагося за-просто на руку своего друга Винкельманна и увлеченнаго оживленными бесѣдами, которыя теперь почитались-бы назидательными, исполненными свѣдѣній, а въ ту-пору создавали новую науку. Всѣ особы, ихъ окружавшія, намъ коротко извѣстны, и воображеніе, безъ усилія, возстановляетъ картину, гдѣ, рядомъ съ широкой и, пожалуй, чепорной роскошью Князя Церкви, развивались — просвѣщеніе ума, утонченность взглядовъ и страстная любовь къ искуствамъ, неотъемлемое достояніе привычныхъ посѣтителей виллы Альбани, любовь, доведенная знаменитымъ помѣщикомъ до восторга самаго своеобычнаго. Ослѣпнувъ въ преклонныхъ лѣтахъ, старецъ еще остался такъ опытенъ осязаніемъ, что, прикасаясь къ статуѣ, опредѣлялъ ея качества и красоты; нерѣдко его встрѣчали въ большемъ экипажѣ, сидящаго о-бокъ съ греческимъ торсомъ; однажды, сказываютъ, онъ не могъ отвезти домой товарища изъ Ватикана: помѣшалъ обломокъ отъ Діаны Звѣроловицы, занимавшій часть кареты. Смотря еще теперь на виллу Альбани, теперь, когда одушевленіе къ художествамъ простыло; когда Римская багряница легко падаетъ на плеча мѣщанъ, въ рядахъ коихъ Западное Духовенство, всегда, по преимуществу,

избирало себѣ сослуживцевъ, Кардиналъ Александръ, кажется, только что покинулъ свои сіяющіе чертоги, отправившись искать замѣчательный мраморъ, или надпись, разборомъ коей онъ намѣренъ позабавиться. Вилла Альбани, кромѣ того, поддерживается лучше другихъ: она досталась Графу Кастельбарко, и онъ, конечно, дорожитъ обязанностями, налагаемыми подобнымъ наслѣдствомъ.

Я пишу сіи строки передъ восхитительнымъ трофеемъ поѣздки моей въ Италію, прекрасной овальной урной дворца Альтемпскаго. Созерцая этотъ пышный плодъ Греческаго искуства, охотно убѣждаюсь, что Винкельманнъ, говорящій о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, наблюдалъ его вмѣстѣ съ Кардиналомъ Альбани, и что замысловатые барельефы, отличающіе наружную сторону памятника, порождали случаи къ разнымъ совѣщаніямъ между двумя великими знатоками, коихъ имена пребудутъ незабвенны поклонникамъ художествъ и Древности. Ваятель, нѣкогда изсѣкшій столь совершенное произведеніе, далеко не подозрѣвалъ, что оно попадется, сначала, къ одному изъ Римлянъ, слывшихъ порядочными варварами, а черезъ много вѣковъ спустя, украситъ ученый пріютъ еще варвара, въ странѣ Гиперборейской, неизвѣстной Грекамъ, даже по названію. Странная судьба твореній искуства! — переходить изъ края въ край, отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ скоробѣги (cursores) Лукреція, которые, разъ пустившись, передавали изъ рукъ въ руки зазженные фа-

келы; въ такомъ-то смыслѣ, особенно, можно присовокупить съ поэтомъ: et vitai lampada tradunt. Существованіе народа не слагается-ли на-половину изъ искуства, на-половину изъ политическаго могущества? Когда любой изъ сихъ стихій недостаетъ, жизнь общественная неполнà; племена, лишенныя обѣихъ, не подлежатъ вѣдѣнію Исторіи.

Кромѣ своихъ обширныхъ музеевъ, назначенныхъ для искуствъ, Римъ обладаетъ первостепенными учеными заведеніями: библіотека Ватиканская, по весьма значительному количеству манускриптовъ и выбору книгъ, — на-ряду прекраснѣйшихъ въ мірѣ, и самая прекрасная изъ всѣхъ по великолѣпію помѣщенія. Вопреки принятому мнѣнію, она легко отверзается иностранцамъ, и учтивость смотрителей равняется ихъ познаніямъ. Я видѣлъ тамъ превосходный экземпляръ, на веленевой бумагѣ, Полиглотты Хименеса, экземпляръ, при посвященіи, подаренный лично Льву X-му; творенія Омира, изданныя во Флоренціи, princeps, также на веленевой бумагѣ, прелестныя; очаровательныя рукописи, испещренныя миніатюрами Дона Джіуліо Кловіо, именуемаго Италіянцами Рафаэлемъ миніатюры; съ ними можетъ соперничать лишь часословъ того-же художника, удивившій меня въ Неаполѣ, — истинная драгоцѣнность! Послѣ книгъ и рукописей Ватикана, на кои, боясь моей страсти къ Библіографіи, я взглянулъ мимоходомъ, нѣтъ ничего занимательнѣе старинныхъ церковныхъ Греко-Италіянскихъ образовъ; ихъ собраніе

составляетъ неоцѣнимое сокровище. Для подробнаго изслѣдованія библіотеки и рѣдкостей Ватикана, едва достаточно длинной цѣпи годовъ.

Коллегіумъ Пропаганды, основанный Урбаномъ VIII-мъ, есть учрежденіе, стоящее уваженія человѣка благочестиваго и мыслящаго, къ какому-бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ. Исключая возвышенной цѣли — распространять Евангеліе по лицу земли, нѣтъ сомнѣнія, что, въ отношеніи филологическомъ только, никакое свѣтское заведеніе въ Европѣ не можетъ спорить съ этимъ. Число воспитанниковъ простирается до ста или ста-двадцати; они содержатся очень попечительно и хорошо; тамъ вы замѣтите Китайца возлѣ Ирландца, Абиссинскаго, почти черпаго мальчика возлѣ русоволосаго обитателя Германіи. Начальники училища радушно пригласили меня осмотрѣть оное пристально, начиная съ музея Борджіа, богатаго Аравійскими, Коптскими, Сирійскими манускриптами, до спалень и внутреннихъ комнатъ. Общая трапеза молодыхъ людей, сошедшихся съ четырехъ концевъ міра, отзывается чѣмъ-то набожнымъ, трогательнымъ; они были мнѣ названы поочередно, и принадлежатъ всѣмъ извѣстнымъ племенамъ, кромѣ Славянскаго, осуществленнаго единственно двумя или тремя Булгарами. Порядокъ устройства показался мнѣ превосходнымъ; на лицахъ юношей блистаютъ здоровье и довольство, невольно поражающія наблюдателя.

Въ окрестностяхъ Рима разсѣяно множество ма-

леньких городковъ, славныхъ именами, и мѣстъ живописныхъ, прелестныхъ: — Фраскати, Альбано, въ особенности-же Тиволи, древній Тибуръ. Послѣднему, музамъ незабвенному, надо посвятить цѣлый день; прогулка, нами туда предпринятая, оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. До Тиволи поля безплодны и не слишкомъ разнообразны; но, достигая высотъ, чувствуешь странное ощущеніе, когда попираешь почву, которая носитъ на себѣ отпечатокъ великаго Августова вѣка. Сперва должно посѣтить огромныя сооруженія, исполненныя въ нынѣшнее время, съ цѣлію — совратить русло Аніо и предохранить Тиволи отъ неминуемой погибели, сооруженія исполинскія, ставящія Григорія XVI-го вровень съ его знаменитѣйшими предшественниками. Изъ средины подземныхъ сводовъ, тутъ воздвигнутыхъ, открываются передъ вами, въ одномъ направленіи — храмы Весты и Сивиллы, въ другомъ — водопадъ, коего пѣна, играя лучами солнца, разбивается на тысячу радужныхъ цвѣтовъ. Потóмъ, обыкновенно, отправляются, на ослахъ, вдоль противоположнаго берега, около каскателлъ. Нѣтъ ничего упоительнѣе, какъ совокупный видъ водопада, большихъ и малыхъ горныхъ потоковъ, увѣнчанныхъ развалинами, еще нераспавшимися, палатъ Меценатовыхъ, превращенныхъ въ заводъ промышленностію, одною изъ язвъ новѣйшаго общества. На пути, васъ приводятъ къ остаткамъ домовъ Катулла и Горація; но, дабы проникнуться такимъ убѣжденіемъ, нужно

имѣть, не скажу — глаза вѣры, по-крайней мѣрѣ — глаза поэзіи, и воображеніе, здѣсь, обязано возстановлять тò, что съ трудомъ могла бы опредѣлить наука антикварія. Наконецъ, въ заключеніе очаровательнаго дня, взбираются къ villa d'Este, пышному созданію Кардинала Ипполита d'Эсте, покровителя Аріостова, царственному жилищу, оставленному, столѣтіе тому назадъ, Герцогами Моденскими, въ добычу запустѣнія, на которое жаловался уже Президентъ Де-Броссъ. Лицевая сторона зáмка обсажена огромными кипарисами, теперь, отчасти, срубленными; уцѣлѣвшіе составляютъ еще величавый подъѣздъ; чертогъ построенъ въ возвышенномъ стилѣ Браманта. Охотно представляешь себѣ, въ этихъ хороминахъ и садахъ, Кардинала Ипполита и его роскошный дворъ слушающими, подъ тѣнью сихъ деревъ, сладостныя мечты Messer Lodovico, и превозносящими, по свидѣтельству самого Кардинала, преимущественно, забавные ихъ намеки. Если villa Albani напоминаетъ общественное положеніе Князя Церкви въ XVIII-мъ вѣкѣ, villa d'Este даетъ мѣру его могущества въ XVI-мъ. Нельзя проходить подобныя развалины, ибо, дѣйствительно, дворецъ и сады скоро поникнутъ грудою обломковъ, безъ печальныхъ думъ и не сказавъ себѣ, что, — достанься вилла d'Эсте не Моденскимъ Герцогамъ, а Папамъ, — она сохранялась-бы съ набожной попечительностію, какую прилагаетъ Римское Правительство, — беречь, коли оно не созидаетъ; — родъ достоинства, ясно понятнаго только въ Италіи. Такое мнѣніе

внушаютъ villa d'Este, и *Фарнезина:* онѣ разрушаются лишь потому, что власть Главы Католичества перестала ихъ поддерживать.

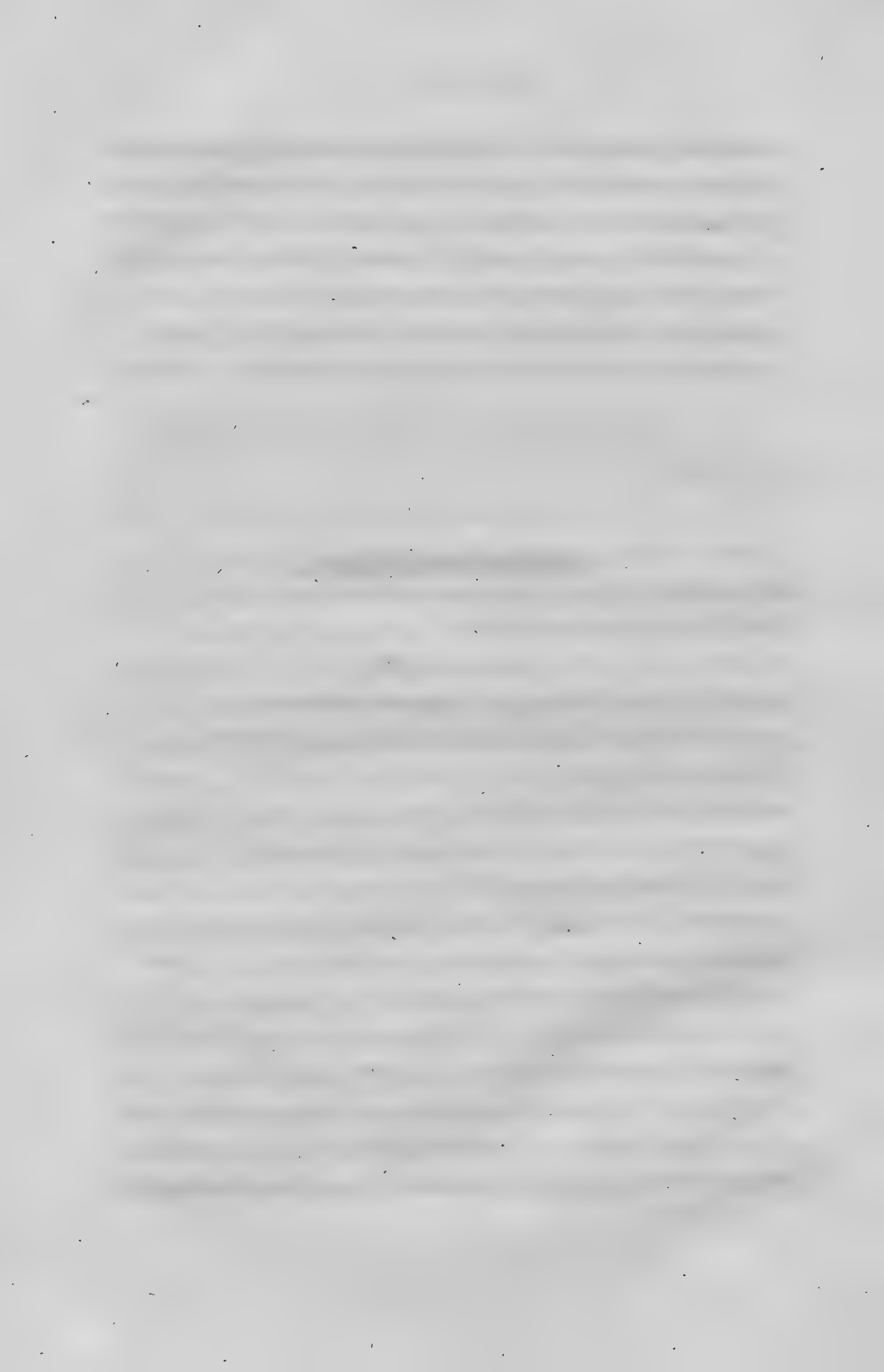
Надо сознаться, — отеческая заботливость, благочестивыя обязанности, принимаемыя, наслѣдственно, каждымъ Первосвятителемъ — блюсти для другихъ, а не для себя, urbi et orbi, сокровища искуствъ среди слѣдовъ бытія, невозвратно исчезнувшаго, невыразимая красота неба, отголоски прошедшаго роемъ вырывающіеся изъ почвы, пріятность жизни, наконецъ — обширное вѣянье покоя и терпимости, обдающее иностранца, дѣлаютъ изъ Рима собственность образованнаго міра и отечество тѣхъ, кто уже не имѣетъ отечества. Римъ — тихое убѣжище, безпрестанно отверзтое падшему величію и умамъ разочарованнымъ, самымъ яркимъ и самымъ неизвѣстнымъ скорбямъ; тамъ не забываешь своихъ несчастій, но несешь ихъ бремя съ бо́льшимъ мужествомъ; горесть облекается стыдливостію на землѣ, смоченной кровью и слезами. Тутъ, гдѣ столько людей страдало, гдѣ пало столько поколѣній; предаешься съ какой-то осмотрительностію впечатлѣніямъ, чисто личнымъ. Человѣкъ мыслящій и чувствительный, человѣкъ, приготовленный занятіями и вкусомъ къ этому возвышенному зрѣлищу, скоро съ нимъ роднится. Посѣтить Римъ, — есть почетное воспоминаніе; оставить его, безъ глубокаго сожалѣнія, — дѣло невозможное. Хотя не покидаешь тамъ никакой привязанности, хотя оттуда никакой не выносишь, сердце сжимается,

когда снова проѣзжаешь porta del Popolo, для возвращенія подъ свой далекій кровъ. Въ роковое мгновеніе разставанія Римъ весь предстаетъ глазамъ вашимъ, какъ особа нѣжно любимая; вы простираете къ нему руки, и онъ, издали, кажется, бросаетъ прощальный взглядъ на иноземнаго странника, котораго лелѣялъ въ стѣнахъ своихъ и осѣнялъ своею тѣнью.

Порѣчье, близъ Москвы, Августъ, 1844.

[illegible]

> Tibi rident aequora ponti. . . .
>
> LUCRETIUS.

Оставляя Римъ, уносите съ собою впечатлѣніе, что великая книга Италіи для васъ закрылась; все обольстившее съ перваго взгляда, слабѣетъ при возвращеніи. Сама Флоренція, прелестный городъ, не ускользаетъ отъ разочарованія, которое преслѣдуетъ путешественника. Чудеса дворцевъ Питти и Трибуны едва поддерживаютъ пробужденное любопытство; Ніобеѣ приносится только дань умственная, и мысль еще переставливаетъ ее въ Ватиканъ, отчизну возвышенныхъ созданій ваянія; находящіяся въ другихъ мѣстахъ кажутся изгнанными изъ родины.

Послѣ Рима и Флоренціи все является блѣднымъ и холоднымъ. За Апениномъ нѣтъ Италіи; напрасно Болонья отворяетъ вамъ свой очаровательный музей, Феррара развертываетъ воспоминанія объ Аріостѣ и Тассо, — вы словно касаетесь крайнихъ предѣловъ страны: съ печалію видите небо менѣе

голубое, дышете воздухомъ менѣе чистымъ. Воображеніе, растроганное и усталое, мало по малу свиваетъ свои крылья и рѣшается на скорбь — сказать послѣднее прости землѣ Италійской.

За тѣмъ, порою, когда чувствуешь себя подъ гнетомъ грусти, отовсюду стѣсняющей разумѣніе, въ день сѣроватый и туманный, въ часъ мечты и томленія, вдругъ возникаетъ передъ вами изъ-среди моря что̀-то похожее на городъ, что̀-то растущее по мѣрѣ приближенія, что̀-то изумляющее васъ сначала и пото́мъ вамъ нравящееся, Венеція, однимъ словомъ, Венеція прекрасная, богатая, могущественная, самовластительная; Венеція, нынѣ страждущая, обобранная, и подвергшаяся оскорбленіямъ времени болѣе жестокимъ, нежели иго ея побѣдителей

Нѣтъ ничего столь печальнаго, какъ первый обликъ новѣйшей Помпеи, которую называютъ Венеціей. Представьте себѣ городъ, пораженный недавнимъ бѣдствіемъ, пощадившимъ стѣны и сгубившимъ жителей, тогда поймете ощущеніе, сжимающее сердце; не то животворное ощущеніе, какое внушаютъ развалины Римскія, а ту грусть неопредѣленную, ту глубокую тоску, овладѣвающую вами при видѣ храминъ пышныхъ и запустѣлыхъ, коихъ обитатели были тутъ, кажется, сей-часъ, или театра полуосвѣщеннаго, лишеннаго зрителей, или бальной залы на другой день послѣ пиршества.

Венеція, дѣйствительно, отражаетъ сіи разныя отличительныя черты: обширное могущество ея со-

ставилось искуственно, какъ почва изъ свай, служащая ей подножіемъ; она была подозрительна и жестока, но вмѣстѣ игрива и великолѣпна. *Мостъ Вздоховъ* рядомъ съ картинами Павла Веронеза; между *Колодцами* Герцогскаго дворца и свинцовыми кельями, гдѣ стонали государственные узники, цвѣли чудеса искуствъ и кипѣли наслажденія жизни. Тамъ умирали тихомолкомъ, но жили шумно. Половина Европы сдѣлалась данницею города, рожденнаго изъ лона лагунъ; ничто не останавливало исполинскаго честолюбія горсти людей, трепетавшихъ передъ излишествомъ собственнаго могущества; когда-же издалека валилъ великій флотъ Левантскій, нагруженный сокровищами міра, тогда забывались жертвы глухой, непреклонной тиранніи: цѣлая Венеція увѣшивалась флагами, при вопляхъ народа, упоеннаго радостію и располагавшаго, по волѣ, всею роскошью, всѣми богатствами земли.

Берега Большаго канала украшены дворцами одинъ другаго изящнѣе, но молчаливыми и полупокинутыми. Нѣсколько гондолъ, черныхъ подобно гробамъ, рѣдко и быстро скользятъ между волнъ; отъ времени до времени отворяется ставень, и взоръ украдкою падаетъ оттуда на иностранца, взоръ любопытства, безъ занимательности, безъ жизни; иногда милая ножка, обутая Венеціянскою сандаліей, приподымаетъ занавѣсъ балкона, наклоненнаго на воды, и ничто не прерываетъ молчанія, кромѣ однообразнаго крика перекликающихся гондольщиковъ. Эти

громадныя жилища, эти пышныя зданія, полу-Италіянскія, полу-Мавританскія, просятъ милостыню воспоминанія. Нынѣшняя Венеція знаменуется Австрійскимъ часовымъ, медленно расхаживающимъ у подошвы дворца Пизани или дворца Фоскари, и, подъ ружьемъ, кажется, ожидающимъ послѣдняго вздоха изнывающаго города.

Таково начальное впечатлѣніе; впрочемъ, не останавливайтесь на немъ! Спѣшите сѣсть въ гондолу, неситесь къ набережной Славянъ; по мѣрѣ приближенія, все облекается въ новый видъ. Если лучъ нѣжнаго солнца Италіи освѣтитъ лицевую сторону церкви Св. Георгія Старшаго и островъ Джіудекки, съ дивнымъ святилищемъ, лучшимъ произведеніемъ Палладіо, — передъ вами развернется очаровательнѣйшая картина, и, когда сойдете на сушу, у Піацетты, печаль, сжимавшая вамъ сердце, разсѣется, — вы остановитесь, пораженные изумленіемъ и восторгомъ: на правомъ углу, — палаты Дожей, огромное строеніе Среднихъ Временъ, любопытный образецъ Венеціянскаго зодчества, самостоятельнаго, непохожаго на иное; далѣе, слѣва, — продолженіе сводовъ Прокураціи; въ глубинѣ — бокъ Базилики, коей видъ тогда только полонъ, когда смотришь на нее съ середины площади. Довольно замѣтить, что послѣ чудесъ Италіи, послѣ соборовъ Миланскаго и Св. Петра въ Римѣ, съ церквами, его обстанавливающими, послѣ Картезіянскаго монастыря въ Павіи, храмъ Св. Марка ослѣпляетъ васъ внезапностью, причудливостью созданія,

возникшаго подъ обоюднымъ вліяніемъ стилей Византійскаго и Аравійскаго, волшебно перевитыхъ изяществомъ Италіянскимъ, подобно Восточной поэмѣ, переложенной на Европейскій языкъ. Если-бы позволено было прибѣгать къ ветхой противоположности слога классическаго и слога романтическаго, противоположности изношенной, ничего не объясняющей, я бы сказалъ, что зданіе Св. Марка содержится къ зданію Св. Петра, какъ пѣснь Персіянина Фирдуси къ Освобожденному Іерусалиму Тассо; и такое пошлое сближеніе еще не выразитъ относительнаго достоинства двухъ различныхъ произведеній, равно громадныхъ, равно удивительныхъ.

Базилика принадлежитъ X-му вѣку. Она не подчинена опредѣленному ордену; никогда не являлось смѣшенія столь смѣлаго и страннаго всѣхъ вкусовъ, слитыхъ воедино. Архитектура Св. Марка вмѣстѣ и Греческая, и Римская, и Готическая, въ особенности-же Мавританская и Византійская, но Аравійская стихія господствуетъ снаружи, а Византійская, явно, въ распредѣленіи внутреннемъ. Нѣтъ ничего живописнѣе этой совокупности Рима, Каира, Константинополя и Ахена. Богатство составныхъ частей безцѣнно: на каждомъ шагу сіяютъ порфиръ, яшма, мозаика, бронза, дорогой самоцвѣтный мраморъ; цѣлое дышетъ теплотою, прелестью неподражаемыми.

Повторяли до-сыта, что соборъ Св. Марка теменъ, низокъ, тяжелъ; мнѣніе несправедливое! Размѣры — совершенство; церковь представляется, даже,

больше и мѣсто передъ ней просторнѣе, нежели обыкновенно полагаютъ. Каналетто, по преимуществу, живописецъ Венеціи, далеко не даетъ удовлетворительнаго понятія о величіи объемовъ; конечно, площадь Св. Марка, озаренная яркимъ солнцемъ Италіи, раскидывается картиной пышной, много превосходящей ожиданіе, и восхитительной еще послѣ памятниковъ Рима, именно потому, что храмъ, на ней воздвигнутый, находится на другомъ полюсѣ Искуства и что всякое сличеніе, на повѣркѣ, отозвалось-бы нелѣпостію.

Жизнь Венеціи, сколько ея есть, пріютилась къ собору Св. Марка и окрестностямъ его. Тутъ, сердце, кажется, покаместь, бьется, между тѣмъ какъ около — все или оцѣпенѣло уже, или цѣпенѣетъ. Перешедъ стѣсненное пространство, заключающее столько возвышенныхъ предметовъ, вы встрѣтите поразительное запустѣніе, томящее прочія отдѣленія города, и подумаете, что дневное свѣтило съ радостію сосредоточиваетъ свои лучи въ семъ округѣ дѣятельномъ, а, за недостаткомъ солнца, мерцаніе газа, истинно à giorno, продолжаетъ обаяніе во время ночи. Когда роковой часъ прозвучитъ для Венеціи, соборъ Св. Марка умретъ послѣдній; съ нимъ погрузятся въ бездну трофеи ея минувшаго величія, выспреннія творенія ея художниковъ, и, отъ гордаго усилія воли человѣческой, развившей и одушевлявшей могущественную Республику, останется лишь нѣсколько свай, которыя корыстолюбіе отыщетъ на днѣ морскомъ.

Дворецъ Дожа съ площадью Св. Марка — вотъ знаменія этого могущества. Нельзя вступить въ чертоги, нельзя подняться на крыльцо исполиновъ, не трогаясь глубоко воспоминаніями, возбуждаемыми самой обширностью зданія. Слава и самовластіе напечатлѣли тамъ рѣзкіе слѣды; въ отношеніи художественномъ, палаты являютъ вездѣ роскошь картинъ, позолоты, украшеній блеска необычайнаго: тутъ соединились первостепенные живописцы Венеціянской школы и безчисленное поколѣніе ихъ учениковъ; тутъ отличаются, въ заглавномъ ряду, — Павелъ Веронезъ, Тинторетъ и оба Пальмы, — колористы природные, колористы очаровательные и неподражаемые; здѣсь только можно привыкнуть цѣнить ихъ. Въ одной изъ залъ находится лучшая картина Павла Веронеза, — Похищеніе Европы.

Потóмъ, если устанете, созерцая ослѣпительную громаду сокровищъ искуства, вамъ предложатъ посѣтить чердаки, извѣстные *Свинцы*, и сведутъ васъ въ ужасныя темницы, лишенныя воздуха и свѣта, называемыя *Колодцами*. Тогда уму рисуются восторжённые художники, занятые своими твореніями въ минуту, когда, за немного метровъ, вверху или внизу, жертвы Венеціянской политики гибли, отъ удушья или воды, не испуская, даже, легкаго крика, ничѣмъ не возмущая внѣшняго хода дѣлъ и веселія искусныхъ, жестокихъ олигарховъ. Теперь *Свинцы* выбѣлены, что̀ даетъ имъ видъ почти щеголеватый; мысль о государственной тюрьмѣ возвраща-

ется, коли путешественникъ замѣтитъ окно, откуда ускользнулъ Казанова. При разсмотрѣніи высоты дома и расположенія кровель, это бѣгство кажется невозможнымъ, но оно безспорное событіе, усвоенное мѣстной исторіи.

Въ одной изъ залъ дворца развѣшаны портреты всѣхъ Дожей; между ихъ изображеніями, блестящими и богато оправленными, живо поражаетъ взоръ рама пустая, задернутая чернымъ покрываломъ; на немъ начертано имя Дожа Марино Фаліери, обезглавленнаго за измѣну Республикѣ. Взглянувъ на странное знаменіе, невольно начинаешь мечтать; дѣйствительно, есть-ли человѣкъ, коего тайная мысль, обращаясь къ самой себѣ, не встрѣтила бы, также, въ образахъ минувшаго, — пустой рамы, чернаго покрывала и имени?

Ничто не даетъ столь яснаго понятія о величавой роскоши Венеціянскаго Правительства, въ его полдень, какъ два дивные бронзовые водоема, поставленные близъ Герцогскаго зáмка. Нѣтъ государя въ Европѣ, который бы не украсилъ охотно своего музея этими изящными предметами; здѣсь они служили придворнымъ кухнямъ, прачешнымъ, и еще стоятъ понынѣ, свидѣтельствуя объ исполинской пышности и силѣ порядка вещей, невозвратно разрушеннаго.

Академія художествъ владѣетъ обильнымъ собраніемъ картинъ; по праву, въ немъ первенствуетъ Венеціянская школа. Мнѣ чрезвычайно понравилось

Введеніе во Храмъ Богородицы, превосходное созданіе Тиціана, предпочтительное, даже, славному его Успенію, весьма поврежденному въ верхней части. Тинторетъ — отличается тутъ Чудомъ Св. Марка; Павелъ Веронезъ — Трапезою Іисуса Христа у Леви, обширнымъ произведеніемъ, попортившимся во Франціи. Непосредственно послѣ сихъ возвышенныхъ работъ, слѣдуетъ восхитительный трудъ Париса Бордона, — рыбарь, приносящій Дожу его кольцо, найденное въ рыбѣ. Нельзя простирать далѣе волшебства красокъ нѣжныхъ, свѣтлыхъ, легкихъ, совершенно Венеціянскихъ.

Отказываясь отъ исчисленія разныхъ сокровищъ живописи, тамъ и сямъ разсѣянныхъ, по церквамъ и во дворцахъ, невозможно удержаться отъ сожалѣнія, помышляя о безчисленномъ количествѣ художественныхъ драгоцѣнностей, постепенно похищенныхъ у Венеціи. Готовились вывозить, по-штучно, самые чертоги, если бы Правительство тому не воспротивилось; даже сваи идутъ въ разсчетъ: все кедръ, дубъ или кипарисъ изъ Леванта, или съ острововъ Мореи, — эти брусья доставили бы огромную выгоду тому, кто бы рѣшился извлечь ихъ изъ моря. Духъ новѣйшей промышленности пользуется трупомъ Венеціи, какъ у возглавія умирающаго жадный преемникъ смекаетъ, про себѣ, ожидаемое наслѣдство.

Исполинскія сооруженія, истинно Римскія, скоро соединятъ съ твердою землею Венецію; рѣчь идетъ о томъ, чтобы связать ее съ системою торговыхъ и ре-

месленныхъ сообщеній сѣверной Италіи, но здѣсь полной удачѣ предположенія мѣшаетъ Тріестъ. Онъ — соперникъ Венеціи, и юный купеческій городъ, накопецъ, поглотитъ древній градъ Аристократовъ, которому, и въ отношеніи эстетическомъ, угрожаетъ жребій — лишиться своей самобытности: когда полосы желѣзной дороги будутъ доставлятъ путешественниковъ къ крыльцу таможни, тѣнь стараго Дандоло перестанетъ носиться надъ Венеціей, и льву Св. Марка придется только низойдти съ своего столба. Кофейня Флоріана заведетъ сношенія съ кофейнями Милана, Лондона, Парижа, и сплавленіе совершится: странная, роковая льгота новѣйшаго духа! — сглаживать противоположности, сближать нравы и разстоянія, подчиняя тому-же уровню людей и вещи, и начиная съизнова исторію Европы, доведенную до простѣйшаго выраженія. Желѣзныя дороги, паровая машина докончатъ дѣло понятій, и, болѣе ихъ могущественныя, прогонятъ самое образованіе подъ Каудинскую дыбу успѣха вещественнаго.

Но предоставимъ столь важное преніе людямъ Политики, людямъ Науки; спѣшу опять надѣть блузу художника и сѣсть въ гондолу, которая обвезетъ насъ около островов. Очаровательнѣйшая изъ прогулокъ имѣетъ мѣтою Армянскій монастырь Св. Лазаря. Полу-лежа въ открытой гондолѣ, замѣчаете, какъ возникаетъ передъ вами тысяча прекрасныхъ точекъ зрѣнія; тишина волнъ, блескъ солнца, ловкость гондольщиковъ — все манитъ къ неопредѣ-

ленной, безпредметной мечтательности, коей волшебство извѣстно лишь на югѣ. Когда мы сошли на берегъ, иноки приняли насъ радушно; одинъ изъ нихъ, отецъ Гавріилъ, показалъ намъ библіотеку, типографію, церковь и садъ. Монахи подчинены Папской власти, однако не зависятъ отъ ея суда; божественная служба производится по-Армянски, и внутренность храма отличается отъ храмовъ Римскаго исповѣданія завѣсой, отдѣляющей алтаръ отъ другихъ частей, заимствованной первоначально съ Востока. Двадцать пять юныхъ Армянъ посвящаютъ себя въ обители словесностямъ Азійскимъ и Европейскимъ, а отшельники продолжаютъ издавать творенія высшей литературы, справедливо уважаемыя ученымъ міромъ. Чудесный видъ, развертывающійся съ вершины террассы, безмолвіе, вокругъ царствующее, здоровый воздухъ и свѣжесть моря, стеклянно-гладкаго, придаютъ мирному уединенію что-то нѣжное, сладостное. Уставъ не строгъ, и существованіе человѣка мыслящаго, соскучившагося въ свѣтѣ, былобы тутъ удобно и легко. Въ этомъ монастырѣ Лордъ Байронъ нѣсколько занимался Восточными языками.

Свойства народа въ Венеціи представляютъ мало рѣзкихъ чертъ; онъ кажется менѣе Италіянскимъ нежели въ другихъ урочищахъ, отъ смѣси съ иностранцами, здѣсь изобилующими и отъ естественной гибкости мѣстныхъ нравовъ. Сія врожденная утонченность встрѣчается и въ Венеціянскомъ нарѣчіи, нарѣчіи удивительно мягкомъ, но ослабшемъ

вслѣдствіе излишней мягкости. Одни гондольщики сохраняютъ, покаместь, качества отличительныя, состоящія въ большой развязности, какомъ-то изяществѣ движеній и скромности, вошедшей въ пословицу. Потерявъ теперь много своей прежней важности въ общественной жизни, они еще — особое сословіе, но число ихъ убываетъ безпрерывно. Скоро Венеціянскій гондольщикъ присоединится къ Венеціянской прелестницѣ, къ Неаполитанскому Лаззарони, къ разбойнику Понтинскихъ болотъ, къ питомицѣ, содержимой подъ ключемъ, за окномъ рѣшетчатымъ, къ суровому духовнику, къ неумолимому ревнивцу, съ лицемъ завернутымъ въ плащь, съ наточеннымъ кинжаломъ въ рукѣ, — къ образамъ уже исчезнувшимъ, типамъ затеряннымъ, которые попадаются иногда въ сочиненіяхъ романистовъ и въ очеркахъ Пинелли.

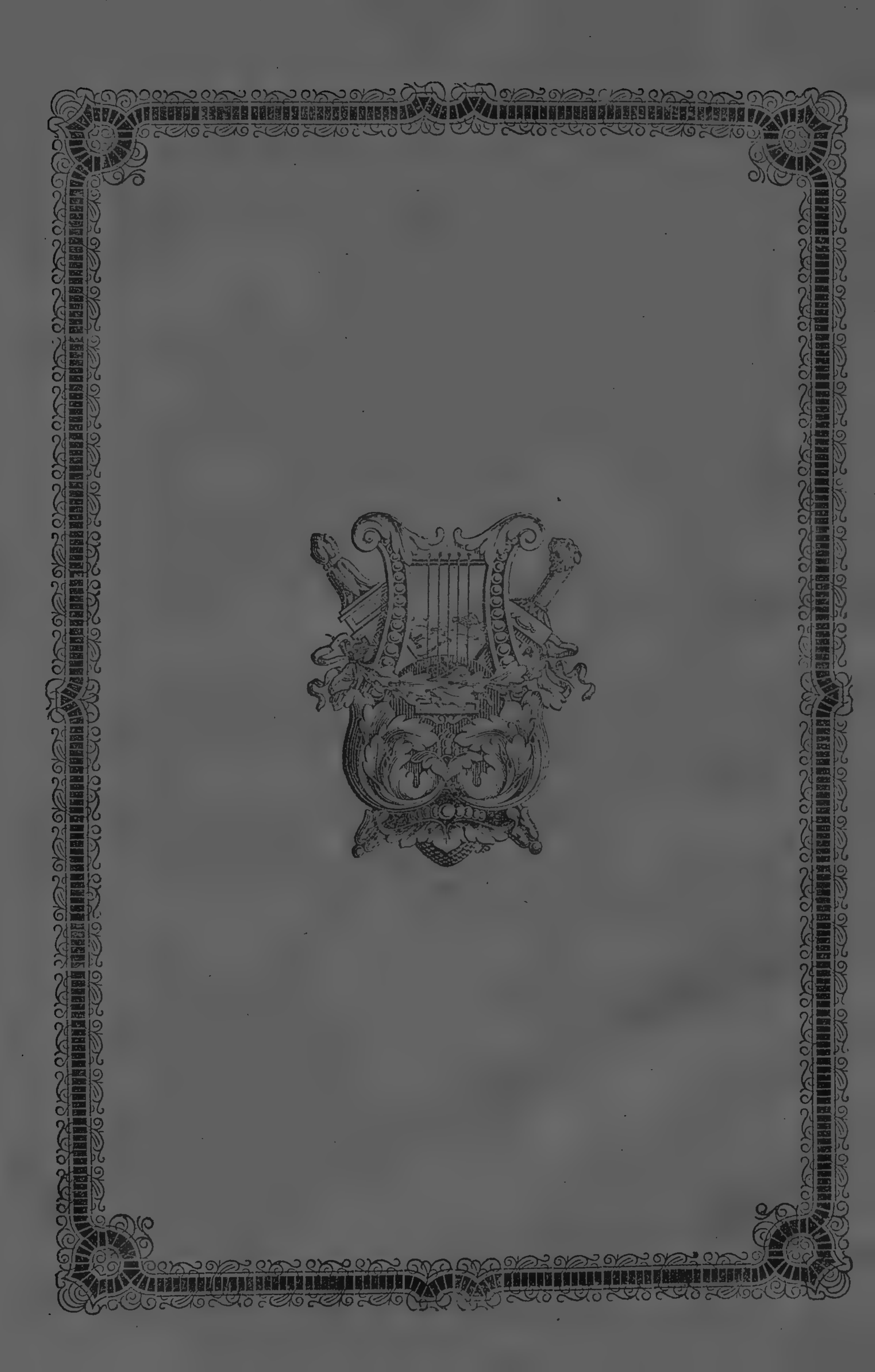
Въ Венеціи, какъ и въ иныхъ городахъ Италіи, надо умѣть жить съ самимъ собою. Сколь ни могущественны впечатлѣнія внѣшнія, они всѣ, вполнѣ или вполовину, задумчивые призраки; нужно извѣстное напряженіе ума тому, кто хочетъ предаваться чудесамъ, его обступающимъ и постигать ихъ говоръ. Италія представляетъ обширное поле для думъ, поручая вамъ самимъ трудъ — воздѣлывать его по волѣ; она не требуетъ у наблюдателя ни пощады, ни состраданія: ей-ли заботиться о его судѣ, ей, столько разъ побѣжденной, такъ долго попираемой и доселѣ неузнанной. Въ пренебреженіи къ мнѣнію путешественниковъ отзывается скорѣе гордость, нежели заб-

веніе; молчаніе удрученнаго народа краснорѣчиво, и, дѣйствительно, что можно, съ одной стороны, присовокупить къ похваламъ, расточаемымъ Италіи вѣками, съ другой — къ оскорбленіямъ, коихъ она стала жертвой? Какое величіе, въ прошедшемъ, сравнится съ ея величіемъ, но, въ тоже время, какой скорби, какого униженія недостаетъ ей?

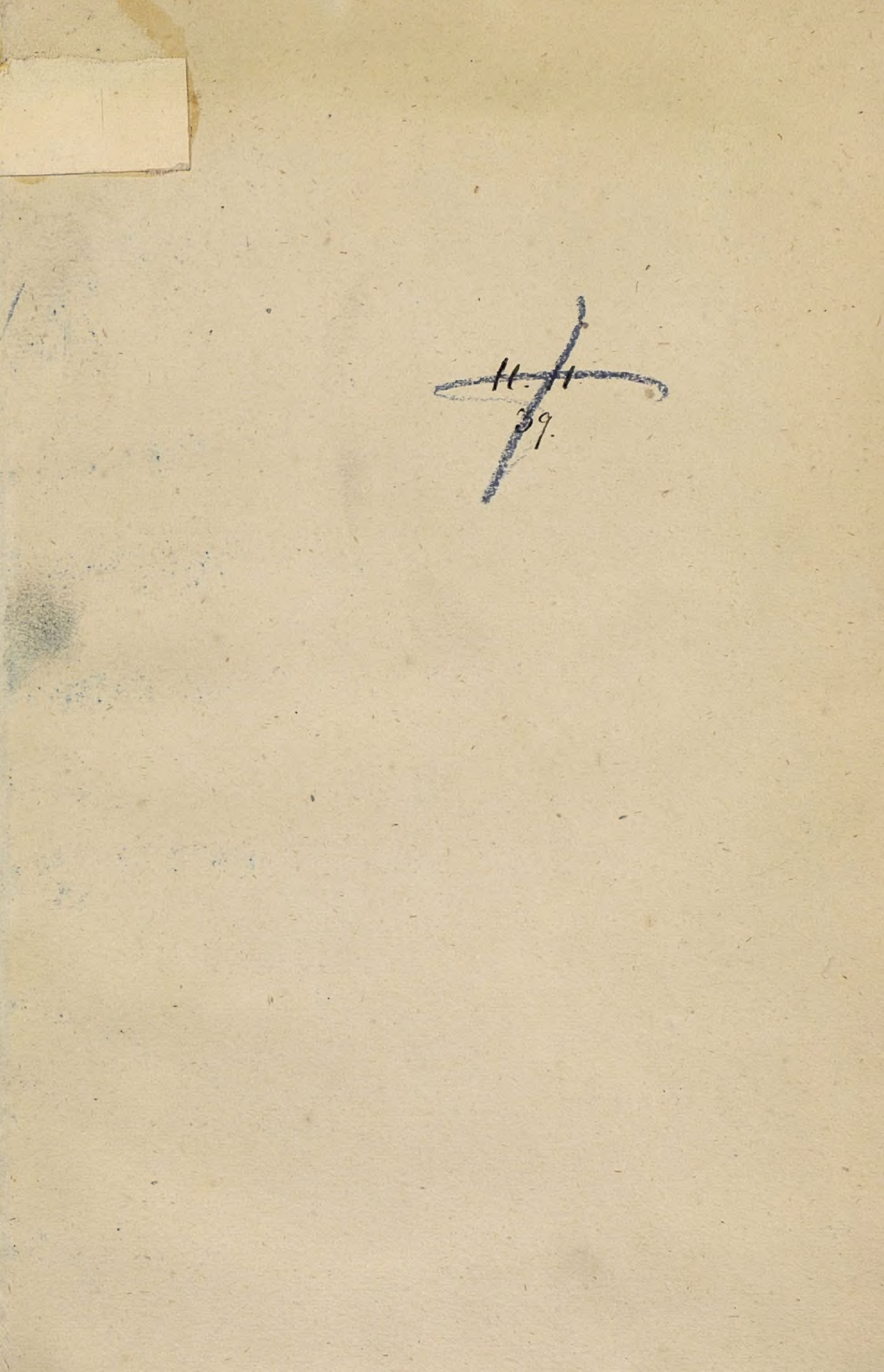
Въ настоящемъ положеніи вещей, иностранецъ, посѣщающій Италію, долженъ искать точки опоры въ ясности собственнаго сознанія и находить внутри себя дополненіе удовольствій, доставлемыхъ сею завѣтною страною людямъ, искренно ее оцѣняющимъ. Венеція, преимущественно, во многихъ отношеніяхъ, — пріятное убѣжище, однако, для пребыванія тамъ, необходимо чужеземцу имѣть передъ глазами степенную цѣль, или питать въ груди постоянное чувство: видъ Италіи, даруя разумѣнію и сердцу мѣру ихъ силъ, располагаетъ ихъ — изливаться наружу; развалины разныхъ столѣтій рисуются и бременятъ васъ отовсюду. Передъ ними вселяется въ васъ смиреніе, и ощущеніе личной немощи оказывается стремленіемъ — сосредоточиваться тутъ, болѣе нежели гдѣ-либо, или въ строгомъ, издавна приготовленномъ, изученіи, или въ тихихъ радостяхъ домашняго крова. Послѣ восхитительнаго дня, проведеннаго середи Рима, или на берегахъ Неаполитанскаго залива, или на спящихъ лагунахъ Венеціи, когда глубокій мракъ Италіянской ночи покрываетъ небосклонъ, и толпа бродитъ туда и сюда, ища привычныхъ, пошлыхъ

развлеченій, умъ даже смѣло-независимый испытываетъ тайную власть печали и одиночества, приносящую съ собой и память далекой родины, и образы отсутствующихъ друзей. Коли нѣтъ милой руки, чтобъ поддержать поникающую вашу голову, самыя выспреннія наслажденія уступаютъ мѣсто мгновеніямъ упадка душевнаго и слабости. Потомъ, лишь блестящее солнце введетъ васъ опять въ очарованный кругъ природы и искуства, вы едва припоминаете мимолетныя грустныя ощущенія, и, на нѣсколькихъ часахъ разстоянія, вчерашній мечтатель превращается въ нынѣшняго космополита.

Подобныя мысли занимали меня при выходѣ изъ гондолы, въ Местрѣ, откуда карета, запряженная четырмя почтовыми лошадьми, быстро помчала меня къ Тревизѣ, по дорогѣ прелестной, окаймленной веселыми усадьбами, и первые желтые листья осени устилали уже этотъ путь, который касается послѣднихъ предѣловъ прекрасной Италіи.

39.

